

Лев Амбиндер,
руководитель Российского
фонда помощи, член совета
при президенте РФ
по содействию развития
институтов гражданского
общества и правам человека

Миллиард рублей для чистого фандрайзинга

На днях звонит коллега с забавным поздравлением: «Вы первые миллиардеры НКО в России». Я не сразу понял, о чем он, но коллега объяснил. Со дня запуска программы «Российский фонд помощи» мы ведем учет сборов в долларах, помня о приключениях рубля. Так вот \$32,716 млн, собранные с осени 1996 года по сей день, по сегодняшнему курсу и есть 1 млрд руб., даже больше. «К сожалению», — сказал коллега, — это чистый фандрайзинг, и вы не характерны для России». Я как мог успокоил товарища. Как в природе не бывает чистого железа, так и в России невозможен чистый фандрайзинг.

Учебники литературы моего детства сообщали про поэта Фета, что он занимается поэзией ради поэзии, и это звучало замаскированным ругательством. Любимой семиклассник знал, что подлинное искусство служит народу, а более никому. И потому только оно прогрессивное. Впервые определение «чистый фандрайзинг» применительно к Российскому фонду помощи (Русфонду) я услышал еще в 2001 году в коридорах первого съезда Гражданского форума России. Это не худшее из занятий, которые приписывают нам. Критики намекают, будто нас интересуют лишь субъекты филантропии — то есть читатели жертвующие. Тогда как правильно работать ради объектов благотворительности — то есть людей, нуждающихся в помощи. Это все почти правда, но что скрывать, мне по душе чистый фандрайзинг. Да только он не про нас и вообще не для России сегодня.

Сейчас поясню, в чем тут дело. Мы, к примеру, собираем деньги на лечение онкобольных детей. Но мы не опекаем этих детей и их родителей в клиниках, как это делают наши друзья из московского фонда «Подари жизнь» и питерской «Адвйти». Они замечательные фандрайзеры, и все же сбор пожертвований для них — не главное занятие, но подспорье. Лечение детских лейкозов, борьба с которыми посвятили себя наши коллеги, не только очень затратно. Это еще и длительное, по полгода и больше пребывание матери и ребенка вдали от дома, зачастую без крыши над головой и без средств на жизнь в столицах. И фонды покупают лекарства, арендуют жилье, устраивают поездки по врачам Москвы и Петербурга, привозят актеров в свои клиники и вывозят в театры своих подопечных, устраивают праздники по случаю дней рождения детей, с подарками и концертами. Они помогают ребятишкам не только лечиться, а их мамам — не только выживать в непривычной среде. Они помогают не сломаться, выстоять — и выздороветь. Это та ниша милосердия, которая всегда существовала в наших больницах. Это тот вид деятельности, которого так не хватает большинству наших клиник — у них нет своих «Адвйти» и «Подари жизнь». А если случится непоправимое, а оно случается, это рак, то наши друзья организуют отправку гроба на родину.

Нам намного проще. Мы действительно работаем не столько ради больных детей (хотя и ради них), сколько ради читателей, людей преимущественно благополучных, которые хотят помочь попавшим в беду согражданам. Предоставить читателям возможность осуществлять это свое желание системно и не оставаться в дураках, — вот, собственно, и вся наша деятельность. Остальное — приложения. Поиск денег для больных детей стал нашей специализацией, потому что таково желание читателей. Это они заказчики, они задают критерии отбора просьб в печать. Будь на то читательская воля, почта Русфонда могла бы быть другой: более разносторонней, иной глубины и масштаба. Но заказчик сделал свой выбор, и мы этот выбор приняли.

Наши занятия можно было бы назвать чистым фандрайзингом, если бы некто гарантировал нам стабильный поток больных детей. Единодиночь собрать крупную сумму денег в России даже в кризис не так уж сложно. Была бы аудитория потенциальных доноров, а вы правильно выбрали тему и сроки сборов. Однако невозможно не сделать систематические сборы, не имея постоянный адресный сбой пожертвований. Во всяком случае, это невозможно пока в России. Бездарные сборы пожертвований у нас несостоятельны, так как никто никому не верит. А системный адресный фандрайзинг возможен, если располагаетесь потоком просьб о помощи. Поэтому две трети рабочего времени сотрудники Русфонда тратят на организацию этого потока и лишь треть — на подготовку публикаций и обслуживание читателей-доноров.

Имея в заказчиках аудиторию «Ъ» и «Газеты.ру», сайтов www.rusfond.ru и «Эха Москвы», Русфонд действительно может превратиться в чистого фандрайзера и собирать куда больше, чем сейчас, пожертвования, если бы некто обеспечил нам понятный и системный адресный сбой. При отсутствии в стране развитых гражданских институтов этим «некто» могло бы стать только Минздравсоцразвития. Однако, как и 13 лет назад, там находят это занятие непрофильным для себя делом.

Вот только что «Ъ» получил письмо Минздрава, в котором тот заявил о неприятии сотрудничества с нами по причине правового неформата. Ничего в марте я встречался с директором министерского департамента медпомощи детям Валентиной Широковой, это она предложила «выдать госзаказ благотворителям», и это с ее согласия мы направили в Минздрав проект договора о взаимодействии «Благотворительная квота». Я уже сообщил в «Ъ» и на www.rusfond.ru о судьбе этого проекта. Теперь ясно: он скончался, так и не начавшись. Что из этого факта следует? Ничего не следует. Новая команда Минздрава во главе с Татьяной Голиковой в отличие от своих предшественников больше не заявляет на публику, будто государство у нас полностью финансирует лечение всех детских тяжелых болезней. Так что перемены налицо, а степень их радикальности такова, что коллега из третьего сектора может не переживать. Следующий наш миллиард, похоже, обречен на привычный в России фандрайзинг.

Антон Курбатов к смерти готов

12-летний мальчик почти не верит в чудеса и операцию

Мальчику двенадцать лет. У него тяжелый врожденный порок сердца. Десять лет назад в Бакулевском институте в Москве ему сделали на сердце операцию Гленна. Сказали, что лет десять еще сердце поработает, а за это время медицинская наука изобретет что-нибудь новое. Десять лет прошло. Сердце работало. Медицинская наука изобрела операцию Фонтена. Но сделать ее Антону могут только в Берлине.

Диана, мама Антона, во время беременности еще чувствовала — что-то не так. Ни ослоненный не было, ни угрозы выкидыша, только предчувствие. И когда на второй день после родов к Диане в палату пришел врач, она подумала: «Ну вот, я же знала, что-то не так!» Врач сообщил, что у ребенка тяжелый порок сердца, что реанимобиль везет его в кардиоцентр в Ульяновско и что шансов почти никаких. Отгоря у Дианы случилась высокая температура, и она тайком от врачей плакал принесенный из дома аспирин, потому что иначе ее не выписали бы из роддома и нельзя было бы поехать к сыну в кардиореанимацию Ульяновско.

А надо было ехать. Она доверяла этим предписаниям судьбы, которые бог весть каким органом чувствовала. Она почему-то знала, что вот сейчас поедет в Ульяновско и ребенок выживет. А потом они поедут в Москву, и ребенка прооперируют, и он проживет еще десять лет, вырастет разумным, заведет кошку... Она и теперь доверяет этой своей интуиции. Она почему-то знает, что ребенка удаст довести до Германии, что ему сделают операцию Фонтена, что он проживет после этой операции лет до срока активно и достойно, и потом ему еще сделают трансплантацию сердца, и он еще несколько лет проживет с чужим сердцем...

У нее нет никаких оснований так думать, кроме интуиции.

А мальчик пишет: «Жил-был кот... Жил-был кот Персик, и у него... жил-был кот Персик, и он...» Мальчик пишет книгу про своего кота по имени Персик, но пока что не провидит

нужд дальше первого абзаца. Про кошку известно, что он британской породы, что папа у него был вислосухий, а мама невислосухая... Только кот не делает ничего целыми днями, а валяется на диване кверху пузом и спит. Мальчик любит кошку. Мальчику хочется, чтобы с котом происходила какая-то история, но истории с котом не происходит, кот просто спит. Как-то с котом может произойти история, если жизни тебе отпущено десять лет и ни минуты ты не собираешься прожить самостоятельно?

Про себя самого мальчик думает так же приблизительно, как про кошку. Иногда маме удается сбить Антона столку и заставить мечтать. Сам Антон мечтать не любит. Если ты мечтаешь и у тебя порок сердца, то только расстраиваешься.

Когда Антон не устал еще так сильно, когда одышка у него не начиналась просто от сидения за письменным столом, он учился в школе на один пятерник, и мама мечтала... Что вот он окончит школу с золотой медалью. Что вот отведет документы в Москву и подаст то ли на факультет журналистики МГУ, то ли на такой же факультет в МГИМО. И вот его примут...

«Ты каким журналистом хочешь быть, Антон?»
«Я хочу быть журналистом-международником. Котом глупо об этом думать, я столько не проживу».

Вот его примут, и уже на третьем курсе ктонибудь, какал-нибудь важная газета обратит внимание на студента, который очень хорошо учится. Антон ведь всегда хорошо учится, у него просто не хватает сил на шалости и на глупости, а хватается сил только на учебу. На него обратят внимание и предложат работу. И он станет писать про международную жизнь...

«Угу», — говорит Антон, — угу!»

К маминим мечтам мальчик предпочитает относиться скептически.
Антон этого не помнит, но десять лет назад, когда ему сделали операцию Гленна, хирург сказал, что эффекта от операции хватит лет на десять. И десять лет прошло. И на самом деле

это в прошлом году Антон еще мог учиться на один пятерик. А в этот год уже не может, потому что одышка у него не начиналась просто от сидения в голову, и Антон, бывает, подолгу сидит над простой задачей и даже книгу про кошку толком не может придумать: «Жил-был кот... Жил-был кот Персик, и он... и у него...»

Из снисхождения к маме Антон участвует в этих ее разговорах о будущем. На самом деле у него нет никакого будущего. У него даже и прошлое кончилось. Те десять лет жизни, которые отпустили ему врачи после операции Гленна, кончились.

В операции Фонтена Антон не верит. Нет, он не боится операции, он знает, что будет спать. Просто он не хочет думать, что через месяц ему может быть подарено еще тридцать лет жизни. А может и не быть подарено. Он не хочет об этом думать, потому что никто не обещал, не гарантировал ему подарка.

Что если осенью операцию Фонтена сделать не удастся? А ничего. Антон будет жить у себя в Димитровграде, ходить в школу все реже и реже, совсем ни с кем не дружить, потому что и сейчас у него друзей только двое.

Он спросил однажды, как умирают люди с пороком сердца, если не сделать им вовремя необходимую операцию. Он спросил как: быстро, как от инфаркта, или медленно. Доктор ответил: медленно. Люди с пороком сердца умирают медленно, постепенно отказываясь от человеческих проявлений. Им становится слишком тяжело гулять, учиться, играть с котом, ходить, читать.

Однажды им становится слишком тяжело дышать, и они умирают.

Валерий Панюшкин

КАК ПОМОЧЬ ДЛЯ СПАСЕНИЯ АНТОНА КУРБАТОВА НЕДОСТАЕТ ЕЩЕ 994 809 РУБ.

Рассказывает кардиолог Берлинского детского кардиоцентра (Германия) Станислав Овруцкий: «У двенадцатилетнего Антона Курбатова врожденный порок сердца, вариант единственного (левого) желудочка, транспозиция магистральных сосудов, стеноз легочной артерии. Первый этап хирургического лечения (операция Гленна) был проведен в России, когда Антону было два года: на легочную артерию наложен так называемый двуправленный анастомоз». Берлинский доктор считает, что мальчику «уже давно пора провести второй этап» — операцию Фонтена. По оценке господина Овруцкого, представленные мамой Антона медицинские документы из России свидетельствуют, что такая операция возможна. Правда, операция Фонтена наименее рискованна у маленьких детей. Это будет разделение кругов

кровообращения: хирурги соединят нижнюю полую вену и легочную артерию, что позволит наладить кровообращение, нормализовать насыщение крови кислородом и снизить нагрузку на сердце. Прогноз в случае такой операции благоприятный — уйдут одышка и синюшность, Антон будет меньше утомляться и «вернется к относительно нормальному образу жизни».

Берлинский кардиоцентр выставил Курбатовым счет на €38 тыс. Как всегда, компания «Ингостра» внесет 417 тыс. руб. Наш постоянный читатель, предпочтительно оставаться в таких случаях незамечанным, внес еще 300 тыс. руб. Таким образом, не хватает 994 809 руб.

Дорогие друзья! Для родителей Антона — это, к несчастью, неподъемная сумма. Отец мальчика работает в НИИ атомных реакторов, а мать — менеджером в димит-

ровградском тургентстве. Суммарно семейный доход Курбатовых вместе с инвалидной пенсией мальчика не превышает 22 тыс. руб. в месяц. Поэтому если вы решили помочь спасти Антона, то пусть вас не смущает цена спасения. Любой ваш взнос будет с благодарностью принят. Пожертвования можно перечислить на счетчику мамы Антона — Дианы Анагеловны Курбатовой или в благотворительный фонд «Помощь» (уредители — издательский дом «Коммерсантъ» и Лев Амбиндер). Все необходимые реквизиты есть в Российском фонде помощи. Можно воспользоваться и нашей системой электронных платежей, сделав перевод с кредитной карточки или электронной наличностью, в том числе и из-за рубежа.

**Экспертная группа
Российского фонда помощи**

Из свежей почты

Катя Люстик, 2 года, органическое поражение нервной системы, требуется курсовое лечение. 156 тыс. руб.
Внимание! Благотворительный фонд «Ренова» внес 50 тыс. руб. (подробности на www.rusfond.ru). Не хватает 106 тыс. руб.

Врачи так и не нашли причину врожденного порока развития головного мозга у Кати. Сын умный развитый мальчик, учится в колледже, а у Кати мозжечковая атасия. Мы стали искать способы лечения через прессу и интернет, знакомиться с родителями, чьи дети страдают аналогичной бедой, так и вышли на Институт медтехнологий (ИМТ). Катя «очнулась» после первого же курса: начала двигаться, произносить слоги. А после четырех курсов она делает первые самостоятельные шаги. Все ей интересно, играет в куклы, как все девочки, улыбается, но пока не говорит. Со зрением было очень плохо из-за пораженных глазных мышц, а теперь осталось вылечить косоглазие. Прошу о помощи, ведь лечение ежеквартальное, в ИМТ нас ждут в сентябре, но кредит, взятый на прежние курсы, еще не погашен. Вчетвером живем на зарплату мужа. Юлия Люстик, Бурятия

Невролог ИМТ Ольга Рымарева (Москва): «Катя не вступала в контакт и не играла, не понимала речь. Мы уменьшили спастичность, уже нет судорог. У Кати все может сложиться хорошо, она будет ходить, говорить и учиться, если не прерывать лечение».

Валера Фисенко, 14 лет, прогрессирующий лордозсколиоз 4-й степени, нужна срочная операция. 197 250 руб.
Внимание! Один благотворительный фонд внес 87 тыс. руб. Не хватает 110 250 руб.

Лечить дочь мы начали сразу в шесть лет, как только обнаружили искривление позвоночника. Но болезнь так и не остановили. А в переходном возрасте началось резкое ухудшение, и вырос горб. В школе стали про спину спрашивать. Бывает, и обзывают. Валера не обозлилась, только замкнулась. Она сильная, с характером. Последний год училась дома, не может подолгу сидеть из-за болей, да и некомфортно ей в школе. А все же девятый класс окончила на пятерки! Валера мечтает об институте иностранных языков. И все у нее получится, если здоровье позволит. Из-за позвоночника страдают желудок и сердце, даже зрение упало. Прошу о помощи, так как нам не оплатить конструкцию для операции. Муж шофер, а я машинист крана на ГАЗе. Ольга Фисенко, Нижегородская область

Заведующий отделением микрохирургии позвоночника Нижегородского НИИТО Сергей Млявцев: «У Валера грубо выраженный прогрессирующий сколиоз. Сейчас можно убрать искривление за одну операцию. А вот промедление повлечет двухступенчатое хирургическое лечение».

Илья Чеканов, 10 лет, нейрофиброматоз с гипертрофией костей лица, нужна операция. 160 тыс. руб.
Внимание! Общество помощи русским детям (СПИД) внесло \$1250 (подробности на www.rusfond.ru). Не хватает 120 575 руб.

Могу ли я опять просить вас о помощи? Два года назад вы спасли нас, оплатили сыну операцию. Я так вам благодарна! Потом были две операции по квоте. И вот на начало сентября назначена госпитализация, а квоты, как на грех, не дали. И сбержений никаких. Я медсестра, муж энергетик в «Северавтодоре». Выглядит Илья уже неплохо. Остался опухоль на щеке, ее понемногу удаляют, чтобы не задел лицевые нервы. Язык уже сделали, но рот до конца не закрывается. Говорит сын непонятно, ест с трудом. Учимся дома. Илюша растет нервным, всего боится, на улицу не идет. С рождения он сто больниц прошел, а помог лишь профессор Рогинский. Илья страстно мечтает о нормальном лице. Хотим надеяться на профессора и вашу помощь. Людмила Чеканова, Тюменская область

Руководитель Центра челюстно-лицевой хирургии Виталий Рогинский (Москва): Илья обезображен — разрушены мягкие ткани лица, в процесс вовлечены и кости. Впереди моделирующая операция на лицевом скелете. Мы достигнем полной реабилитации».

Костя Егоров, 6 месяцев от роду, врожденная двусторонняя косоплоская, надо срочно начать лечение. 84 тыс. руб.
Внимание! Благотворительный фонд «Феникс» внес 20 тыс. руб. Еще 7 627 руб. собрали наши читатели. Не хватает 56 373 руб.

21 марта 2009 года родился наш сын и пять дней лежал под капельницей. Когда меня к нему пустили, я был раскислым: он был под кислородной маской, голова в синяках, такой беспомощный. Врач перечислял наши проблемы, а у меня в голове все путается. Ноги открылись — а стопочки друг на друга смотрят. Через две недели на голые ноги наложил гипсовые лангеты. День и ночь Костя плакал. Потом я узнала, что лангеты надо было прежде высушить и надеть на носочки! Я просмотрела все форумы мам косоплоских в интернете, узнала о методе Пенсенти и созвонилась с Ярославской клиникой. Сомнений нет, надо срочно ехать. Но на лечение нужны деньги, а у нас их нет. Я в декрете, два года гасим кредит за квартиру, и платить еще восемь лет. Время идет, искривленные косточки становятся все крепче. Прошу о помощи. Наталья Попова, Архангельская область

Заместитель главврача больницы имени Соловьева Юрий Филимендик (Ярославль): «Активное лечение малыша займет около двух месяцев. Мы выпрямим стопы, и Костя будет нормально развиваться, но начать надо сейчас. Пока кости и суставы не сформированы, коррекция даст наилучший результат».

Саша Чирков, 4 года, нарушение сердечного ритма, спасет имплантация электрокардиостимулятора. 188 980 руб.
Внимание! Компания ТТК внесла 70 тыс. руб. (подробности на www.rusfond.ru). Не хватает 118 980 руб.

Работая у цветочного в ООО «Цветы Удмуртии». Зарплата небольшая, 6 тыс. руб., живем мы с Сашей скромно, в общежитии. Отец о нем даже не знает, так уж вышло. Сашок общительный, но за детьми ему не угнаться, вечно сидит в сторонке. Два года назад он тяжело заболел бронхитом. При обследовании сердца поставили диагноз «полная АВ-блокада 3-й степени». Мы лежали в республиканской больнице и кардиоцентре, но этой весной состояние сына ухудшилось. Саша не может долго ходить, плохо спит и почти не ест. Во время сна появились паузы в сердцебиении. Врачи насчитали уже 130 остановок сердца на три секунды и настаивают на срочной операции. Ижевские кардиологи связались с томскими, и те берутся имплантировать малышу кардиостимулятор. Помогите его оплатить! У меня, кроме Саши, нет никого. Елена Чиркова, Удмуртия

Ведущий научный сотрудник Томского НИИ кардиологии СО РАМН Игорь Ковалев: «Блокада полная, сердце увеличено. Только срочная имплантация стимулятора исключит риск внезапной смерти. Нужен стимулятор самого малого размера с возможностью адаптации частоты ритма к потребностям ребенка».

Реквизиты авторов и клиник есть в фонде. Возможны электронные пожертвования (подробности на www.rusfond.ru).

Для тех, кто впервые знакомится с деятельностью Российского фонда помощи

Российский фонд помощи (Русфонд) создан осенью 1996 года для помощи авторам отчаянных писем в «Коммерсантъ». Проверив письма, мы публикуем их в «Ъ», в «Газете.ру» и на сайте www.rusfond.ru. Решив помочь, вы получаете от нас реквизиты авторов и дальше действуете сами либо отправляете пожертвования через систему электронных платежей. Возможны переводы с кредитных карт и электронной наличностью, в том числе и из-за рубежа (подробности на www.rusfond.ru). Мы просто помогаем вам помогать. Читателям звать понапрасну: всего собрано свыше \$32,716 млн. В 2009 году (на 27 августа) собрано 116 890 615 руб. Мы организуем и акции помощи в дни национальных катастроф: 53 семьям погибших горняков шахты «Зырянская» (Кубасс), 57 семьям сгоревших самарских милиционеров, 153 семьям пострадавших от взрывов в Москве и Вологодске, 118 семьям моряков АПЛ «Курск», 52 семьям погибших заложников «Норд-Оста», 39 семьям погибших 6 февраля 2004 года в московском метро, 100 семьям пострадавших в Беслане. Фонд — лауреат национальной премии «Серебряный лучник».

Адрес фонда: 125252, Москва, а/я 50; www.rusfond.ru; e-mail: frp@kommersant.ru. Телефоны: (495) 926-35-63, (495) 926-35-64 с 10.00 до 21.00. Страница подготовлена при содействии благотворительного фонда «Помощь».

У семьи Корченковых появилась надежда

14 августа мы опубликовали в «Ъ», «Газете.ру», на www.rusfond.ru и сайте «Эхо Москвы» историю годовалого Яна Корченкова («Болезнь для мальчиков», Валерий Панюшкин). У Яна врожденный иммунодефицит, он передается по женской линии, а болеют мальчики. Единственное спасение — пересадка чужого костного мозга. Наши читатели собрали даже больше, чем надо Яну, — 3 177 050 руб. Фонд Морша (Германия) приступил к поискам полностью совместимого донора для Яна. Мы верим, Ян станет первым в роду Корченковых, выжившим после этой болезни.

Мы верим, Ян станет первым в роду Корченковых, выжившим после этой тяжелой наследственной болезни

Дорогие друзья! Если не будет ваших возражений, то излишки в сумме 1 555 150 руб. пойдут на лекарства для Саши Шелигана (20 лет, Забайкальский край), Ани Серюковой (7 лет,

Томская обл.) и Севы Королева (6 лет, Новгородская обл.). Все трое больны лейкозом. Спасибо!

И вот еще новости. Оплачены: операция по поводу врожденных пороков сердца стоимостью 191 196 руб. Наде Федоровой (7 лет, Алтайский край) и Андрею Кочеву (4 года, Удмуртия); операция по поводу сколиоза Руслану Гарееву (11 лет, 212 439 руб., Башкирия); лечение детского церебрального паралича Соне Мысиной (4 года, 136 тыс. руб., Смоленская обл.); челюстно-лицевая операция Грише Балашову (9 лет, 110 тыс. руб., Москва); операция по поводу врожденной косоплоскости Анжелике Фоминич (2 года, 84 тыс. руб., Татария). Отправлено: 540 тыс. руб. на лекарства Лере Суховерхой (5 лет, острый лимфобластный лейкоз, Ленинградская обл.). Помогли: Благотворительный фонд «Русский дж джиз» и Общество помощи русским детям, Виталий, Алексей, Ян (все — США), Татьяна (Малайзия), Ро-

ман, Мария, Светлана, Екатерина, Ирина (все — Англия), Альберт, Георгий (оба — Германия), Наталья, Андрей (оба — Румыния), Александр (Швейцария), Кирилл (Израиль), Елена (Австрия), Константин из Ноябрьска (Пономская обл.), Мария (Волгоград), Наталья (Свердловская обл.), Дмитрий (Казхстан), Наталья (Новокузнецк, Кемеровская обл.), Вячеслав (Вольск, Саратовская обл.), Наталья (Новороссийск, Краснодарский край), Анна (Челябинск), компания «Технопрокс» (Пермская обл.), Антон (Оренбург), Наталья, Павел и Ан-на (все — Екатеринбург), Эдуард (Самара), губернатор Аман Гумириев Тулеев (Кемеровская обл.), Александр (Климовск, Москов-

ская обл.), Николай (Воскресенск, Московская обл.), Евгений (Ликино-Дулево, Московская обл.), ЗАО ПМП, ООО «Севзапгазстрой», ЗАО БЭСКИТ, Вячеслав, Зинаида, Вера, Дмитрий, две Елены, два Александра, Марина, Игорь (все — Петербург), ООАО «Ингостра», ЗАО «Компания „Транстелеком“», благотворительный фонд «Ренова», благотворительный фонд «Феникс», ОАО «Рус-Банк», ЗАО «Привуд», ООО «Фарм-Трейд», ЗАО «ТПГ Кунцево», сотрудники компании «Диасофт», Червяков Александр Николаевич, три Александра, Валерий, Анна, четыре Сергея, Артем, Валентин Иванович, две Марии, два Алексея, два Владимира, три Игоря, Вениамин, Леся, Галина, Оля, Маша, две Елены, два Виталия, два Николая, Владислав, две Юлии, Леонид, Надежда, два Дениса, Елена и Алексей, два Миха-

ила, семья Липатовых, три Дмитрия, Виктория, два Валерия, Анастасия, Валентина, Леонид Анастольевич, два Егора, Станислав, Иванна, три Татьяны, Петр, две Анны, пять Ирин, два Дмитрия, две Ольги, два Ильи, три Екатерины, три Натальи, Галина, два Олега, Шариф, Юрий, две Инны, Павел, Виктор, два Антона, Руслан, Олег и Алексей, Роман, Марина, Валерий, Константин, Алия, два Ивана, Максим, Кристина, Евгений, Екатерина, Николай и Алексей, Снежана, два Андрея, Елена Викторовна, Татьяна, Кирилл и Павел, Геннадий, Светлана, Елена Алексеевна, superjohnstick@5296474@wonderer@igostinceva@adv8312@ (все — Москва). Спасибо!

Лев Амбиндер, Анна Железнова, Антонина Казакова

Полный текст отчета публикуется на сайте www.rusfond.ru.